ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 316.42+316.25
https://doi. org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-21-30

Поступила в редакцию 14.05.2021
Received 14.05.2021

Т. М. Шавердо

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ «СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО» В СОЦИОЛОГИИ

Аннотация. Выявляется логика проблематизации категории «социальное пространство» в социологии на основе анализа пространственных концепций Г. Зиммеля, П. Сорокина и П. Бурдье. В соответствии с теоретическими положениями Г. Зиммеля эксплицируются базовые качества пространства как формы социальной жизни, аккумулирующие в себе физические и символические аспекты. Точкой проблематизации в данной концепции выступает отсутствие однозначных аргументов относительно направленности связи между характером социальной структуры и многообразием пространственных форм. Посредством теории социального пространства П. Сорокина демонстрируется перемещение исследовательского фокуса на символическую структуру социальных позиций, что приводит к ускользанию социального смысла физической близости и дистанции, а также смешению понятий физического и геометрического пространства. На основании социальной топологии П. Бурдье показывается органическая связь материальных и нематериальных аспектов пространства, а вопрос о соподчиненности структуры социальных позиций и пространственных форм находит разрешение в пользу причиняющих сил первого. С помощью теоретических схем Р. Карнапа и А. Лефевра репрезентируются два противоположных взгляда на место «социального» в исследовании пространства. Производится различение понятий физического, геометрического и социального пространства. Эксплицируются онтологические и эпистемологические аспекты исследуемого феномена. Обозначаются два подхода к определению социального пространства, первый из которых предполагает акцент на социальном взаимодействии и соприсутствии социальных акторов, второй – на социальной практике в широком смысле этого слова. Формулируется авторское определение социального пространства.

Ключевые слова: социальное пространство, социология пространства, пространственная форма, социальная структура, площадка социального взаимодействия, социология пространства Г. Зиммеля, социальная топология П. Бурдье, теория социального пространства П. Сорокина

Для цитирования: Шавердо, Т. М. Проблематизация категории «социальное пространство» в социологии / Т. М. Шавердо // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 1. – С. 21–30. https://doi. org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-21-30

Tamara M. Shaverdo

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

PROBLEMATIZATION OF THE “SOCIAL SPACE” CATEGORY IN SOCIOLOGY

Abstract. The article is devoted to the problem of forming a conceptual-categorical apparatus in the field of social topography and reveals the dynamics of problematization of the category “social space” in sociology. The logic of the movement of the research focus in the spatial concepts created by G. Simmel, P. Sorokin and P. Bourdieu are explicated. The ratio of the material and non-material sides of space is analyzed, and the question of the relationship between social structure and spatial forms is considered. With the assistance of R. Carnap and H. Lefebvre’s theoretical schemes are represented two opposite views of meaning of “social” in the spatial study. The dividing of concepts of physical, geometrical and social space is submitted. The ontological and epistemological aspects of the explored phenomenon are explicated. The two approaches to social space definition are outlined. The first of them supposes a focus on social interaction and co-presence social actors, the second one supposes social practice in the broadest sense. The author’s definition is designed.

Keywords: social space, sociology of space, spatial form, social structure, the platform of social interaction, Simmel’s sociology of space, Sorokin’s theory of social space, Bourdieu’s social topology

For citation: Shaverdo T. M. Problematization of the “social space” category in sociology. *Vestsi Natsyyanal’nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2022, vol. 67, no. 1, pp. 21–30 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-21-30

Введение. Пространство – это сложноорганизованный и неоднозначный феномен, который проявляет себя на самых разных уровнях социальной жизни. Воплощаясь во всем многообразии материального мира и в качестве логически мыслимой структуры отношений между объектами

© Шавердо Т. М., 2022

[illegible] [1].

3. *Пространственная закрепленность.* [illegible] [1].

4. *Пространственная конкретность и абстракция.* [illegible] [2, [illegible] 110].

[illegible] [1]. [illegible] [3]. [illegible] [3].

[illegible]

[illegible] [4] [illegible]

стратификации. П. Сорокин рассматривает социальное пространство по аналогии с геометрическим: «... Геометрическое пространство обычно представляется нам в виде некой “вселенной”, в которой располагаются физические тела... Подобным же образом социальное пространство есть некая вселенная, состоящая из народонаселения земли» [4, с. 231]. Если для определения местоположения объекта на земном шаре достаточно знать его широту и долготу, то социальная «картография» предполагает более развернутую систему координат. П. Сорокин предлагает учитывать следующие параметры: «1) отношение человека к определенным группам; 2) отношение этих групп друг к другу внутри популяции; 3) отношение данной популяции к другим популяциям, входящим в человечество» [4, с. 232]. При этом он обращает внимание на необходимость учитывать позицию субъекта внутри каждой группы, так как каждое социальное образование имеет свою специфическую структуру. В соответствии с теорией социальной стратификации П. Сорокин выделяет горизонтальные и вертикальные параметры социального пространства, первые из которых отражают содержательные признаки социальных субъектов (мужчина, юрист, пенсионер и пр.), а вторые – иерархию между ними (студент – преподаватель, начальник – подчиненный и пр.). Таким образом, положение человека в социальном пространстве определяется совокупностью групп, к которым он принадлежит, а также совокупностью позиций, которые он занимает в этих группах.

При всей структурно-функциональной четкости теоретических построений П. Сорокина в его трактовке социального пространства наблюдается некоторое противоречие. Определяя социальное пространство как «вселенную, состоящую из народонаселения земли» [4, с. 231], он не уточняет, что именно принимается за единицу анализа: человек в его физической обусловленности или же метафорическая социальная позиция. Само определение обращает нас к вопросам физического взаиморасположения людей (народонаселения), однако дальнейший анализ П. Сорокина не затрагивает вопросы физической близости или удаленности социальных субъектов друг от друга. Более того, помимо собственно определения социального пространства, все прочие рассуждения П. Сорокина лежат, скорее, в поле метафор и не привязаны к физической данности.

А. Ф. Филлипов обращает внимание на отождествление П. Сорокиным физического и геометрического пространства [2, с. 188–191]. Это приводит к категориальной путанице и не позволяет выстроить непротиворечивые пространственные аналогии: 1) пространство как множество физических объектов – пространство как множество людей; 2) пространство как символическая система отношений между объектами – пространство социальных позиций как символическая система отношений между людьми. Так, в концепции П. Сорокина происходит смешение двух значений социального пространства – объективного взаиморасположения человеческих тел и символического взаиморасположения социальных позиций.

П. Сорокин утверждает, что в его определении социального пространства («вселенная, состоящая из народонаселения земли») воплощается геометрическая аналогия, однако с этим трудно согласиться, поскольку геометрическое пространство представляет собой формальную систему отношений между объектами, но не отсылает непосредственно к материальности объектов. В связи с этим более корректно рассматривать народонаселение в качестве аналогии физического пространства, а символическую структуру социальных статусов – как геометрическую метафору. Следуя логике П. Сорокина, дистанция между людьми может быть либо геометрической и измеряться стандартными количественными величинами (метры, километры и т. д.), либо социальной и анализироваться в терминах социальных статусов. То обстоятельство, что отношения близости и дистанции между социальными субъектами могут иметь социальный смысл, П. Сорокиным не анализируется. Как отмечает А. Ф. Филиппов, «социальные определения размещений, перемещений и дистанций выпадают из поля зрения» [2, с. 191].

Таким образом, несмотря на онтологизированность определения социального пространства, данного П. Сорокиным, ученый подвергает анализу лишь символическую структуру социальных позиций. Сопоставляя подходы П. Сорокина и Г. Зиммеля, следует отметить, что концепция Г. Зиммеля обладает большим эвристическим потенциалом, так как носит интегративный характер и демонстрирует точки соприкосновения материальных и внематериальных аспектов

пространства в контексте социального взаимодействия. Социологическая логика Г. Зиммеля осложняется его попыткой проинтерпретировать феномен «пространства вообще», которая реализуется преимущественно в философском ключе, однако в дальнейшем его идеи успешно «заземляются» представителями чикагской школы социологии, которые на основании своих эмпирических исследований демонстрируют тесную связь физических и символических аспектов пространства.

Концептуальный расцвет теории социального пространства связан с социальной топологией П. Бурдье, представленной в работе «Физическое и социальное пространство» (1990) [5]. П. Бурдье рассматривает социальное пространство как абстрактную конструкцию, конституированную ансамблем полей (экономическое поле, интеллектуальное поле и др.), обязанных своей структурой различным видам капитала – экономического, культурного, социального и символического, где поле – это место сил, внутри которого социальные агенты занимают позиции, и одновременно институциональная среда, диктующая правила взаимодействия между акторами. Капитал в свою очередь представляет совокупность материальных и символических ресурсов, доступных актору, благодаря членству в соответствующих социальных группах [5].

Согласно П. Бурдье, физическое и социальное пространства постоянно соприкасаются, но на концептуальном уровне получают строгое различение: «Физическое пространство определяется по взаимным внешним сторонам образующих его частей, в то время как социальное пространство – по взаимоисключению (или различению) позиций, которые его образуют, так сказать, как структура рядоположенности социальных позиций» [5, с. 49–50]. При этом физическое пространство представляет собой объективированную конструкцию социального пространства (например, столица – область сосредоточения административных и материальных ресурсов, периферия – область дефицита различных благ). Объективное воплощение социального пространства, с точки зрения П. Бурдье, обнаруживает себя через распределение ресурсов в различных локусах физического пространства. Пространственные отношения всегда выстраиваются как отношения близости и дистанции, где позиция некоего объекта определяется расположением другого объекта: как горы возвышаются относительно уровня моря, так центр относится к периферии, а позиции социальных акторов при этом часто обретают названия, заимствованные из языка геометрии – «властная верхушка», «центристы», «левые», «правые» и пр.

Поскольку социальное стремится как можно более точно воплотиться в физическом, в обществе находится масса примеров «наложения» этих двух сфер реальности. «Wall Street» в Нью-Йорке – место сосредоточения офисов и штаб-квартир наиболее прибыльных и успешных мировых компаний и одновременно всеми признанный символ финансовой мощи; Московское Рублево-Успенское шоссе известно самой дорогой недвижимостью в России, расположенной вдоль трассы, и вызывает в сознании людей устойчивые ассоциации с роскошью, успехом и т. д. Согласно П. Бурдье, социальные позиции в пространстве всегда выстраиваются гомологично. Так, в одних локусах пространства концентрируются ресурсы и социальные агенты, занимающие доминирующее положение в социальной иерархии и обладающие всевозможными видами капитала, а в других неизбежно возникает «обедненность» материальными и властными ресурсами.

В концепции П. Бурдье пространственные конфигурации неразрывно связаны с отношениями власти и всегда организованы иерархически: «…Не существует пространства, которое не было бы иерархизировано и не выражало бы иерархии и социальной дистанции в более или менее деформированном, а главное, в замаскированном виде вследствие действия натурализации, вызывающей устойчивое отнесение социальных реальностей к физическому миру» [5, с. 50]. Так, структура поля политики задается отношениями близости и дистанции к властному центру – месту сосредоточения всевозможных ресурсов.

Наличие дефицитных благ позволяет дистанцироваться от нежелательных социальных агентов и материальных объектов и сближаться с желательными. Капитал определяет степень мобильности социальных игроков, вплоть до того, что его отсутствие приковывает к месту, а обладание обеспечивает символическое присутствие одновременно в нескольких местах, что становится возможным благодаря экономическому и символическому господству над средствами коммуникации, передвижения и пр.

Сложность работы с категорией «пространство» в контексте социологического знания во многом связана с тем, что для продуктивного исследования требуется использовать эвристический потенциал не только смежных дисциплин, но также заходить на территорию точных и естественных наук, поскольку «естественные» и «социальные» аспекты данного феномена теснейшим образом переплетаются между собой. В связи с тем, что социальные теоретики нередко используют аналогии из физического мира и прибегают к языку геометрии для описания социального пространства, необходимо произвести строгое различение всех этих аспектов, аккумулированных в объекте исследования.

Автор статьи предлагает рассмотреть всеобъемлющий феномен пространства в трех ипостасях – как физическое, геометрическое и социальное пространства.

Под физическим пространством мы будем понимать всю наличную данность универсума, состоящую из многообразия объектов любой природы: от элементарных частиц до социальных акторов.

Под геометрическим – систему отношений между объектами, выраженную в скалярных и векторных величинах. При этом совсем не обязательно обладать специальными знаниями, чтобы воспринимать пространство геометрически – отношения между объектами могут фиксироваться с помощью антропоморфных величин, таких как количество шагов, обхват рук и пр. Геометрическое пространство – это не пространство в собственном смысле, а скорее язык описания, координатная сетка, позволяющая мыслить пространство и проживать его. Ключевое отличие физического пространства от геометрического – это переход от категории простого «наличия» к категории «отношение». Именно выстраивание связей и отношений между объектами делает феномен пространства доступным для рефлексии и пригодным для осуществления социальных взаимодействий.

Социальное пространство простирается на физический и геометрический пространственные аспекты, выступая в качестве материальной площадки социальной активности и символической структуры социальных позиций. Таким образом, физический аспект пространства преломляется в плоскости социального как наличная данность универсума, освоенная человеком, а геометрический – как символическая система социальных позиций и статусов.

Для глубины понимания столь сложноорганизованного феномена А. Ф. Филиппов предлагает сравнить теоретические схемы пространства Р. Карнапа и А. Лефевра.

Р. Карнап различает формальное пространство, пространство созерцания и физическое пространство.

Формальное пространство в терминологии Р. Карнапа представляет собой порядок в самом широком смысле: он не ограничивается пространственными категориями в привычном понимании (фигуры, места, границы), а подразумевает закономерности отношений абсолютно разнопорядковых элементов универсума [2]. В данном контексте Р. Карнап говорит скорее об идее порядка и сближается в своих воззрениях с Ф. Шеллингом, рассматривавшим пространство как «чистое созерцание», т. е. созерцание, освобожденное от всякого понятия (созерцаемого) [6].

Пространство созерцания Р. Карнап, напротив, понимает как структуру взаимосвязей между типичными пространственными образованиями (плоскостями, линиями), которые доступны нашему чувственному восприятию. При этом он делает оговорку, что «речь еще идет не о пространственных фактах, наличествующих в действительности опыта, а только о “сущности” самих этих образований, которую можно распознать в каких-то представителях [своего] рода» [2, с. 53].

Физическое пространство в логике Р. Карнапа воплощает собой одновременно формальное пространство и пространство созерцания, объективируя сущность «пространственных фактов» и выстраивая их согласно определенному порядку [2].

Р. Карнап пытается говорить о «пространстве вообще» и обойти кантианские ловушки, однако ему все же не удается рассуждать о пространстве бессубъектно и, более того, не затрагивать (хоть и косвенно) область социального знания. Исходя из логики Р. Карнапа, пространственные элементы, непосредственно доступные нашим органам чувств, еще не составляют пространство. Феномен пространства возникает там, где разрозненные данные чувственного опыта встраива-

ются в единую схему порядка. Схема порядка, предложенная Р. Карнапом в качестве предельной рамки понимания феномена, во многом перекликается с рассуждениями Э. Дюркгейма о базовых категориях мышления, которые организуют наши когнитивные процессы и складываются в ходе социальной практики, т. е. имеют общественное происхождение [7]. А. Ф. Филиппов отмечает: «”Формальное пространство” Карнапа есть лишь продукт и коррелят социальной организации общества» [2, с. 56].

А. Лефевр, в отличие от Р. Карнапа, вовсе не задается вопросом, что есть «пространство вообще», а изначально рассматривает данный феномен в контексте социального, выделяя в качестве основных аспектов исследования пространственную практику, репрезентации пространства и репрезентационные пространства.

Под пространственной практикой понимается процесс освоения (в самом широком смысле) пространственных локусов, выраженный во всем многообразии социальных практик, в ходе которых необъятный физический мир приобретает структуру и обрастает смыслами [8, с. 53].

Репрезентации пространства – это объективированный пространственный порядок, закрепившийся в ходе социальной практики в виде архитектурных ансамблей, локальных пространственных композиций, отдельных зданий или их частей. Этот порядок тесно связан с системой культурных символов и кодов. Работа по интерпретации и репрезентации пространства принадлежит главным образом сообществу профессионалов (философам, социологам, архитекторам и т. п.) и, как правило, воспроизводит порядок действующей власти и идеологии [9].

Пространство репрезентаций – это пространство повседневности, опыт соприкосновения с наличной данностью, переживаемый через образы и символы, закрепленные в культуре. Это обжитое пространство обыкновенных «пользователей», пространство, которое в первую очередь чувствуется, а только потом осмысляется [8]. Обжитое пространство характеризуется тем, что наполнено привязанностями и активно задействовано в идентификационных процессах, воплощаясь в таких референтных образованиях, как «родная земля», «родительский дом», «место моего детства» и т. д.

Таким образом, пространственные практики А. Лефевр относит к области воспринимаемого, репрезентации пространства – к области понимаемого, а репрезентационные пространства – к области проживаемого. При этом «пространственные практики опосредуют понимаемое и проживаемое пространства, связывая тем самым репрезентации пространства и пространства репрезентаций» [9, с. 220].

Сопоставляя схемы Р. Карнапа и А. Лефевра, следует отметить, что первый предпринимает попытку дать определение «пространства вообще» – пространства, очищенного от чувственного опыта и воплощающего лишь чистую идею порядка («формальное пространство»). В эту схему порядка Р. Карнап как бы погружает пространственные образования, доступные нашим органам чувств («пространство созерцания»), а затем «разрешает» им воплотиться в физической данности согласно установленному порядку («физическое пространство»). Однако формальное пространство, вынесенное Р. Карнапом в качестве предельной пространственной рамки, представляет собой общую схему порядка, которая опосредует наше чувственное восприятие взаиморасположения объектов физической данности. Таким образом, «формальное пространство» функционирует как дюркгеймианские «категории мышления» и срастается с социальной практикой.

А. Лефевр, в отличие от Р. Карнапа, изначально отказывается от попыток определить, что есть «пространства вообще», и рассматривает феномен в неразрывной связи с социальной практикой. Он избегает бинарных исследовательских схем, разделяющих пространство на природное и социальное, физическое и символическое и пр. Более того, А. Лефевр не рассматривает «социальное» пространство как одно из возможных пространств – он идет по пути социального релятивирования всех универсалистских концепций пространства, настаивая на том, что пространство, которое мы проживаем, социально в силу нашего способа существования.

В контексте исследования социального пространства наиболее продуктивным представляется подход А. Лефевра, поскольку он позволяет четко обозначить границы социального и не заступать на территорию других областей знания. Однако автор данной статьи не считает необходимым отказываться от базовых логических оппозиций.